

Арсений Тарковский. Фото Юрия Феклистова, 1988 год

Мне выпало счастье более десяти лет близко общаться с Арсением Александровичем Тарковским — с 1977-го года до его смерти в 1989-м. Систематических дневниковых записей я не вёл, хотя следовало бы, но в те времена я об этом и не задумывался. Не думал я и воспоминания писать. Но какие-то истории из моего общения с Тарковским я рассказывал друзьям, и под их нажимом я эти эпизоды записал. А потом уже стал и подумывать о том, чтобы сложить эти эпизоды в нечто целое. Но пока что это не состоялось, и я публикую просто несколько отдельных отрывков. У меня есть ещё некоторое количество таких кусочков, но я решил их не включать. Многие из них сводятся к изложению историй, рассказанных Арсением Александровичем и Татьяной Алексеевной, а их уже неоднократно воспроизводили другие *воспоминатели* (что неудивительно: у Тарковских был стандартный набор историй, которые они с удовольствием рассказывали — о несостоявшихся переводах стихов молодого Сталина, о исчерпанных рифмах в переводе Махтумкули и т.д.). Так что повторять их, наверное, не стоит. Есть ещё рассказы о безуспешных попытках Арсения Александровича пристроить в печать мои стихи (от этих попыток у меня остались лестные для меня рекомендательные письма), но эти рассказы больше о моей литературной суете, чем о Тарковском. Может когда-нибудь я соберу всё это, а также рассказы о совместной чистке трубок, о разговорах об инопланетянах... Но это потом. А пока вот эти кусочки.

Предыстория

Впервые о поэте Арсении Тарковском я узнал в году 1963-м или 64-м. Во всяком случае, это было задолго до моего прихода во Вторую школу в 1965 году. У моего отца была толстая тетрадь со стихами из тех, что ходили в списках, и из книжек, что он не смог достать. Он мне эту тетрадку не подсовывал, но и не прятал. Сейчас я догадываюсь, он её специально «не подсовывал», чтобы не спугнуть, и своего добился. Я в неё заглядывал регулярно и именно там впервые прочитал и запомнил (напоминаю, что это было в начале 60-х, мне 12-13 лет) стихи Мандельштама, Гумилёва, Ходасевича, Волошина... И однажды я увидел там стихи Арсения Тарковского. Насколько помню, там были «Пускай меня простит Винсент Ван-Гог», «Верблюды», «Балет», «Деревья»... Я ничего о Тарковском не знал, и он шёл у меня через запятую с теми — из Серебряного века. Впрочем, и про Серебряный век я тогда ничего не знал. Но каким же правильным оказалось это соседство как в отцовской тетради, так и в моей памяти. И запомнил я эти стихи вместе со стихами Гумилёва, Мандельштама и Ходасевича.

Я так и не удосужился узнать у отца, как в тетрадь попали стихи Тарковского. Думаю, что книжку «Перед снегом» он пропустил просто потому, что ещё не знал об этом поэте. Потом он её увидел — скорее всего у Владимира Левинзона, его друга и сослуживца, хорошо знавшего поэзию и писавшего, как мне кажется, неплохие стихи, — и переписал себе то, что особенно понравилось. А когда вышел сборник «Земле — земное», отец уже хорошо понимал, что это за поэт, охотился за книжкой и в конце концов её приобрёл. В 1967 году отец взял меня с собой на юбилейный вечер Арсения Тарковского в ЦДЛ. Не знаю, как он достал пригласительные билеты, подозреваю, всё от того же Левинзона. Прошло больше полувека, но я помню тот вечер — любимый поэт, живьём, сидит на сцене, накинув подаренную ему, кажется, Кайсыном Кулиевым белую бурку (много позже я узнал легенду про «дагестанские корни» и понял смысл этого подарка и намёков в поздравлениях), его прекрасные стихи в исполнении прекрасных актёров, трогательные и остроумные поздравления... В конце вечера отец пошёл к нему подписать книжку и потащил меня с собой, а я упирался, потому как — ну как же можно нам вот так запросто к нему подойти. Но мы подошли, Арсений Александрович написал отцу в книжке что-то стандартно-тёплое, а я стоял рядом с тем, чьи стихи я помнил наизусть.

*Стою себе, а надо мной навис,
закрученный, как пламя, кипарис...*

Мне всего шестнадцать, а рядом тот, кого я читал вместе с Гумилёвым, Ходасевичем, Мандельштамом... Слова «живой классик» сейчас сильно заезжены, но они наиболее точно передают моё ощущение в тот момент.

И ещё из тех времён. Из-за Арсения Тарковского я в первый раз (а может быть, и в единственный) поссорился с нашей учительницей литературы во Второй школе Натальей Васильевной Туговой. А было всё так. Мама Лены Лозовской (моей

одноклассницы и друга) Клара Израилевна работала литературным секретарём у К.И.Чуковского. И она устроила для одноклассников дочери поездку в Переделкино к Корнею Ивановичу. После этой поездки Наталья Васильевна, обсуждая, что там было, и желая показать демократичность Чуковского, стала говорить о том, что дескать, сидел у него Арсений Тарковский — поэт второго плана, а Корней Иванович, тем не менее к нему с таким уважением... Я этого «поэт второго плана» вынести не мог, наговорил Наталье Васильевне каких-то резкостей, но она была человеком мудрым, и всё это как-то плавно разрешилось.

Я всё это рассказываю, чтобы хоть как-то показать, чем был для меня Арсений Тарковский к моменту нашей встречи.

Знакомство

Моя встреча с Арсением Александровичем состоялась благодаря всё той же Кларе Израилевне Лозовской, маме моей одноклассницы Лены. Вообще Клара Израилевна значила для Лениных друзей, и в том числе меня, очень много. Так, она устраивала для нас что-то вроде литературных посиделок. Туда приходили интересные люди. Скажем, довольно часто бывал Лев Зиновьевич Копелев. Один раз он привёл Константина Петровича Богатырёва, и тот читал свои переводы Рильке (я только тогда и понял, что за поэт Рильке — до этого я читал только переводы Т.Сильман и не мог понять, что люди в этом Рильке находят).

В середине 70-х я снова начал писать что-то *стихоподобное* (после юношеских опытов был довольно длинный перерыв) — поначалу только для себя, а потом и друзьям стал показывать. Вот показал и Ленке, а она — своей маме. Меня при этом, насколько я помню, она и не спрашивала. Да я и не возражал против какого-то распространения — читателей мне не хватало, а самому навязываться было неловко. Но Клара Израилевна на очередных наших «посиделках» сказала, что дала мою подборку посмотреть Тарковскому, и вот это уже было для меня шоком — я ведь рассказал, как я относился к Арсению Александровичу. Но ещё большим шоком для меня было, когда она через неделю сказала, что Тарковский хотел бы со мной встретиться.

И вот, сговорившись с Кларой Израилевной, я отправился в Переделкино. Сначала, чтобы собраться с духом, зашёл в Дом Чуковского, где меня встретили Клара Израилевна и Елена Цезаревна (внучка Корнея Ивановича), напоили чаем, успокоили.

— Там будет Татьяна Алексеевна, жена Арсения Александровича. Она покажется строгой, но ты её не бойся. Ладно, иди уже, — сказала Клара Израилевна.

И я пошёл. Через дорогу, в Дом творчества, по коридору... Стучусь. Открывает дверь женщина, которую мне сразу захотелось назвать «надменной дамой».

— Здравствуйте. Я вас слушаю, — сказала она (ну или что-то в этом роде).

— Здравствуйте. Я Володя Эфроимсон. Клара Израилевна сказала, что Арсений Александрович ждёт меня сегодня.

*Арсений Тарковский, Татьяна Алексеевна Тарковская-Озерская и Александр Радковский.
Фото Александра Кривомазова, 1986 год*

— Проходите, Володя. Меня зовут Татьяна Алексеевна. Посидите, Арсений Александрович вышел, скоро вернётся. Куртку можете повесить вот сюда, — она показала на вешалку.

Я сел на стул и стал разглядывать вытянутую узкую комнату — две кровати, пара стульев, небольшой письменный стол, тумбочка... Татьяна Алексеевна села за письменный стол и погрузилась в какие-то машинописные страницы. Она их держала, несколько картинно отставив руку, на её лице сохранялось всё то же надменное выражение. Арсений Александрович всё не шёл. Достать из сумки книжку я не решался. Татьяна Алексеевна продолжала читать свои бумажки, демонстративно, как мне показалось, не обращая на меня внимания. Я чувствовал себя всё более неловко. Вдруг Татьяна Алексеевна отрывается от своего чтения, как-то странно смотрит на меня и говорит:

— У меня такое ощущение, Володя, что вы меня боитесь.

Как вы понимаете, эта фраза моё состояние не улучшила.

— Честно говоря... должен признаться... — залепетал я что-то бессвязное, а она продолжила:

— Думаю, мы с вами подружимся.

Пока я раздумывал, что на это сказать, открылась дверь, и вошёл, опираясь на палку, Арсений Александрович. Я вскочил. Татьяна Алексеевна объяснила, кто я такой. В конце концов я снова сел на свой стул, Татьяна Алексеевна — за стол, а Арсений Александрович — напротив меня на кровать. Совершенно не помню, что говорил Тарковский, что я ему отвечал... Но в какой-то момент он обратился к Татьяне Алексеевне: «Таня, дай мне Володиных стихи — они там, на столе». Татьяна Алексеевна протянула ему тоненькую пачку машинописных листков, и я понял, что это те самые листки, которые она просматривала, пока мы ждали Арсения Александровича. Он взглянул на них, а потом протянул мне со словами: «Володя, почитайте нам».

Конечно, мне мои странички были не нужны — я и сейчас-то помню почти всё, что написал, а тогда и память была получше, да и написано было всего ничего. А впрочем, в том моём состоянии...

Короче, я читаю — одно, второе... Вдруг Арсений Александрович говорит: «Дайте-ка мне», берёт у меня листки и начинает читать сам. По-моему, до этого я вообще не слышал свои стихи в чужом прочтении, а тут... — тот самый знакомый глуховатый голос, размеренное, как бы даже несколько монотонное чтение... Позже он мне рассказывал, как Ахматова говорила, что стихи нужно читать, подчиняясь только их ритму, безотносительно всякого смысла.

И вот я слушаю свои стихи — одно, второе... И неожиданно ловлю себя на мысли: «Надо же, как здорово я написал!» И ещё одно, и ещё... И вдруг на следующем становится невыносимо стыдно — как я мог эту плоскую вторичную чепуху дать Тарковскому! А он продолжал читать, ровно, никак ничего голосом не выделяя, но как-то от чтения становилось сразу ясно — это вот ничего, а это чушь. Насколько я помню, мы о стихах в тот день больше не говорили — мне теперь было нечего спрашивать, а он видел, что мне всё ясно. Он только спросил: «А ещё у вас есть?»

— Есть дома, — ответил я, уныло понимая, что дома лежит всего два или три законченных стихотворения и несколько недописанных кусков — в сущности показывать больше почти нечего.

— В следующий раз обязательно принесите. Вы когда приедете?

Во мне — буря противоречивых чувств. Прежде всего, конечно, радость и даже некоторая гордость — меня приняли, хотя ещё здесь видеть. Он не спросил, приеду ли я, а спросил *когда* — значит твёрдо уверен, что... И так далее. А с другой стороны, после его слов приехать с пустыми руками просто невозможно. И откладывать нельзя — он же про меня забудет! Я посмотрел на Татьяну Алексеевну и увидел очень доброжелательную улыбку, которая для меня плохо вязалась с уже сложившимся у меня в голове образом «надменной дамы».

А ещё меня Тарковский в тот раз спросил, играю ли я в шахматы (я играл, хотя и весьма посредственно. Впрочем, потом оказалось, что Тарковский тоже не был гроссмейстером). А в нарды? Нет? Ничего, он меня научит. И он действительно меня потом научил, и в длинные, и в короткие. Впрочем, как теперь говорят, это была уже совсем другая история.

О чём ещё говорили в тот день не помню. Но твёрдо запомнил, как мы прощались. Я направился к двери, Тарковские как радушные хозяева тоже подошли к двери, и тут Арсений Александрович, к моему ужасу, снимает с вешалки мою куртку и держит, чтобы я мог её надеть. На мои вопли — что, мол, не надо, зачем — он гордо заявил: «Я член всемирного клуба взаимного подавания пальто». Кажется, он при этом ещё сказал об авторе этой фразы, но тогда запомнить это было выше моих сил. Позже я от него узнал, что это был Сологуб.

На обратном пути я хотел опять зайти в Дом Чуковского, но там шла экскурсия, и мне тогда так и не удалось выплеснуть на Клару Израилевну и Елену Цезаревну всё, что меня переполняло.

Так начались мои поездки к Тарковским. Почти регулярные. Чаще всего я приезжал к ним в Переделкинский Дом творчества, вплоть до последних лет,

когда они переехали в Дом ветеранов кино в Матвеевском. За все эти годы были считанные разы, когда я встречался с Тарковскими на их московской квартире около Маяковки, ещё реже у них на даче в Голицыно. Когда я бывал у них на московской квартире, я видел, как Арсению Александровичу не хватает этого его московского жилья, его книг, пластинок... Понятно, что ничего из этого перетащить в крохотный номер в Доме творчества было невозможно. Но жизнь в Доме творчества полностью освобождала от бытовых забот, а Татьяна Алексеевна этим заморачиваться явно не хотела. С номерами получалось по-разному — иногда это были однокомнатные, как в тот первый раз, когда я познакомился с Тарковскими, а бывало, что везло, и номер был двухкомнатным, но всё равно очень маленьким.

И вот в субботу или воскресенье я доезжал на электричке до Переделкина и шёл к Дому творчества. Как правило, сначала заглядывал в Дом Чуковского, благо это было по дороге, и если в это время не было экскурсии, то удавалось немного поболтать с Кларой Израилевной, а иногда и с Еленой Цезаревной. Ленка Лозовская даже обижалась, что я с её мамой вижу её чаще, чем с ней, что было правдой. Обижалась она, конечно, в шутку, но как известно, в каждой шутке... Раза два я там мельком видел Лидию Корнеевну, но толком познакомиться так и не удалось.

А потом я шёл дальше по улице Серафимовича к писательскому Дому творчества, к Тарковским. Иногда случалось, что Клара Израилевна составляла мне компанию, и мы шли к Тарковским вместе.

Выступление в Доме учёных

Эту историю я до сих пор вспоминаю со стыдом, хотя прошло уже больше сорока лет. Я тогда работал в Гидрометцентре, недавно защитил кандидатскую диссертацию, и был отправлен как представитель погодного учреждения в молодёжную комиссию московского Дома учёных. Во-первых, это была хорошая отмазка от любой общественной работы, которую на меня пытались навесить, а во-вторых, давало возможность устраивать какие-то интересные сборища. И я загорелся идеей устроить там вечер Тарковского. К тому времени я уже больше года регулярно ездил к Тарковским в Переделкино, был ими обласкан, и возможно этим объясняется моя самонадеянность. Арсений Александрович выступал тогда довольно редко, соглашался на такие предложения крайне неохотно, при мне несколько раз отказывался ехать куда-нибудь выступать. А тут вдруг согласился, правда, не без нажима со стороны Татьяны Алексеевны.

Я сообщил об этой договорённости в Дом учёных. Там обрадовались, но сказали, что надо бы найти кого-нибудь ещё — Тарковский немолод, может заболеть, вечер сорвётся. А так хоть кто-нибудь один да выступит. Я спросил у Арсения Александровича, с кем бы он мог вместе выступить. Он предложил Левитанского — они недавно вместе выступали, и вроде было неплохо. Когда я позвонил Юрию Давыдовичу, он согласился, но через несколько дней сказал, что неважно себя чувствует и выступать не будет. Ну нет, так нет — я сообщил в Дом учёных,

Арсений Тарковский. Фото Александра Кривомазова, 1987 год

что не получается и больше об этом не думал. А напрасно. За два дня до выступления мне позвонила дама, которая занималась нашими мероприятиями и радостно сообщила, что она договорилась с Петром Вегиним, и он тоже выступит на этом вечере. Меня это сообщение несколько ошарашило. Во-первых, я на тот момент просто не знал, кто такой Вегин. Во-вторых, совмещение в одном вечере столь разнокалиберных выступающих мне казалось совершенно неуместным. Я попытался возражать, но это было бесполезно.

И вот в день выступления (я могу точно сейчас назвать дату — 16 февраля 1979 года, чуть позже будет понятно, почему я это помню) я со своим приятелем с работы Сашей Кутало, у которого была машина, отправился за Тарковскими в Переделкино. Не могу сейчас вспомнить, почему нужно было привлечь Сашу Кутало — обычно со всеми делами, которые требовали поездок на машине, Тарковским помогал Саша Лаврин. Может его в то время ещё около Тарковского не было.

Арсений Александрович и Татьяна Алексеевна устроились на заднем сиденье, я рядом с Сашей, и мы двинулись в сторону Москвы. Погода была снежно-слякотная, Саша целиком сконцентрировался на дороге, а я пытался вести какую-то светскую беседу с Тарковскими. И не зная, как лучше сообщить об изменениях в программе, как бы между прочим сказал, что там сегодня ещё будет выступать некий Пётр Вегин. Я предполагал, что эта новость удовольствия не вызовет, но такой реакции не ожидал. Арсений Александрович повернулся к Татьяне Алексеевне и каким-то тусклым голосом сказал:

— Ну что, поворачиваем обратно?

Саша оторвал взгляд от дороги и с испуганным недоумением посмотрел на меня. Я стал лепетать что-то бессвязное, что именно сейчас и не помню. Тарковский повернулся ко мне:

— Володя, да вы хоть знаете, кто такой этот Петя Вегин?

— Нет, — честно ответил я.

— Жалкий эпигон! И чей?! Андрюшки Вознесенского! И он будет выступать после меня, закрывать мой вечер?!

Не помню, что я ещё бормотал, какие ничтожные оправдания приводил. Как-то в конце концов доехали мы до Дома учёных. Саша отправился ставить машину, а я повёл Тарковских в кабинет той самой дамы. Там я всех представил и стал объяснять ситуацию:

— Я рассказал Арсению Александровичу про Вегина, — начал я.

Хозяйка кабинета посмотрела на разгневанного Тарковского и, будучи человеком опытным, мгновенно поняла ситуацию. Усадив гостей, она попросила принести чаю, а меня, к моему колоссальному облегчению, выставила из кабинета. Что она говорила, я так и не узнал, но к началу выступления Арсений Александрович был гораздо спокойнее. Я же направился ко входу. Тарковский попросил меня оставить билеты для нескольких его знакомых, и теперь мне надо было их встретить. Так я познакомился тогда с Ильёй Кутиком, с которым дружу до сих пор.

А потом был вечер. Арсений Александрович читал свои стихи, как всегда блистательно, ровным размеренным голосом, что-то из белой книжки «Стихотворения» (Художественная Литература, 1974 г., на тот момент самый полный его изданный сборник), что-то с машинописных листов. Закончил. Аплодисменты. Вопросы и ответы. И он ушёл со сцены. Во втором отделении вышел Пётр Вегин, что-то читал. Я как формальный хозяин вечера некоторое время там покрутился, выслушал что-то про джинсовые паруса — после Тарковского это слушать было просто невозможно — и удрал искать Тарковских. Нашёл я их в буфете, в то время в Доме учёных это было вполне приличное место. Мы заказали по рюмке коньяку. Даже строгая Татьяна Алексеевна отнеслась к этакому гусарству снисходительно. Я порывался оплатить под предлогом, что надо обмыть недавно присвоенную мне степень, мои поползновения были демонстративно-гневно отвергнуты Тарковским, я продолжал сокрушаться и каяться, потом было ещё по рюмке... Кончилось всё тем, что Арсений Александрович, видя моё состояние,

подарил мне книжку, по которой только что читал, с душераздирающей ехидной надписью: «Милому и почти безгрешному Володе на память о вечере 16/II/79». Это была первая книжка, подаренная мне Тарковским.

Голованов

Однажды старший друг всей нашей компании Шура Мирер (известный писатель-фантаст Александр Исакович Мирер; с его одобрения все друзья независимо от возраста звали его Шурой), тоже друживший с Арсением Александровичем, рассказал, как он пришёл к Тарковским, а Арсений Александрович валялся на кровати, отстегнув протез, и просто закатывался от хохота. Надо сказать, что Тарковский посмеяться любил, смеялся с удовольствием и очень заразительно. Когда Шура спросил, что так развеселило, Арсений Александрович показал ему присланную поэму из неандертальской жизни. Главный герой этой поэмы никак не мог объясниться со своей девушкой, потому что не умел плавать и очень этого стеснялся. А его соперник, по имени Кыркыр, плавал хорошо, и главный герой про него говорил: «А Кыркыр может — как зафигачит баттерфляем!» Нас всех это сильно развеселило, и в свой следующий приезд к Тарковским я спросил Арсения Александровича про Кыркыра и его автора. Арсений Александрович как-то возбудился и сказал:

— Да это же Голованов. Он ещё про себя писал: «Кто здесь Голованов? Я здесь Голованов».

— Он что, графоман? — осторожно спросил я.

— Ну если и графоман, то гениальный графоман. Есть такая категория. Да вот послушайте.

И Тарковский стал читать стихи этого Голованова. Я не помню, с чего он их читал, наверно с машинописных листков — совершенно в памяти не осталось, а вот сами стихи... Особенно первое стихотворение, начинавшееся так:

*Больной убегает из замка
При свете вечерней зари.
Не вскрикнула даже цесарка,
И ключ оказался в двери.*

«Цесарка» ему так нравилась, что он даже повторил строчку. И дальше там было:

*Руками, как будто рулями,
Больной направленье менял.*

Я потом не выдержал и спросил:

— Арсений Александрович, мы с вами столько разговаривали про рифмы, и вы не раз говорили, что неточные рифмы вам кажутся неэтичными. Мне кажется, что после всех наших разговоров я начинаю понимать, что вы под этим имеете в виду, хотя вполне возможно я и ошибаюсь. Но в любом случае термин

«неэтичная» отражает явно негативное отношение. А эта рифма «из замка — це-сарка» мне тут тоже очень нравится, но всё-таки точной назвать её трудно.

Вместо ответа Тарковский рассказал, как когда-то Мандельштам читал при нём:

Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!

Я нынче славным бесом обуян,

Как будто в корень голову шампунем

Мне вымыл парикмахер Франсуа...

Тогда молодой Тарковский с бесцеремонностью, присущей его возрасту, спросил Осипа Эмильевича — почему парикмахер Франсуа, а не, например, парикмахер Антуан, что сделало бы рифму точной. «Молодой человек, — закричал Мандельштам, — у вас совсем нет слуха!»

Не могу сказать, что после этой истории позиция Тарковского в вопросе о точной рифме прояснилась для меня полностью, но что-то всё-таки забрезжило. Когда же я стал пересказывать историю с парикмахером Франсуа знакомым, в том числе знавшим Арсения Александровича, то выяснилось, что рассказывал он её не только мне. Впрочем, это было нормально — у Тарковского в запасе было некоторое количество историй, которые он любил рассказывать. Я также услышал от кого-то, что Семён Израилевич Липкин говорил, что эта история произошла на самом деле с ним, с Липкиным, а Тарковскому она так понравилась, что он стал рассказывать её от своего имени. Не знаю, насколько это достоверно. Сам я этого от Семёна Израилевича не слышал, а теперь уже и не спросишь.

Я потом пытался разыскать стихи Голованова, но безуспешно. И только уже сравнительно недавно, в интернетную эпоху, обнаружил в «Журнальном зале» три подборки Владимира Голованова — две в «Новом Мире» и одну в «Волге». Там было и «Больной убегает из замка...». Самая ранняя подборка была в «Новом Мире» в 1994 году, то есть лет на пятнадцать позже описанного разговора.

А про Кыркыра я так нигде и не нашёл.

Юрий Коваль

С Юрием Иосифовичем Ковалем я встречался у Тарковских дважды. В первый раз я как обычно приехал в Переделкино, прошёл к Тарковским и увидел у них весёлого человека с гитарой в руках. Ничего особо необычного в этом не было — я довольно часто заставал у Тарковских посетителей, иногда очень интересных людей. Не помню кто — Арсений Александрович или Татьяна Алексеевна — стал нас представлять друг другу. Дескать, это Володя Эфроимсон, он хорошие стихи пишет, а это — Юра Коваль... Объяснять мне, кто такой Юрий Коваль было не надо, я к тому времени уже читал и «Недопёска», и «Плаванье на «Одуванчике», и относился к автору с большим почтением. Мои попытки называть его Юрием Иосифовичем были пресечены сразу, и дальше было «Юра — Володя». Я, как часто тогда бывало, притащил с собой бутылку вина, мы её быстро

по стаканам разлили, и Юра взял гитару. Похоже, он перед моим приходом уже пел, и просто получился перерыв на знакомство и вино. Песни он пел замечательные, смешные, я никогда их не слышал ни до, ни после. Пытался найти, но безуспешно. Была, скажем, песня мотоциклетной перчатки, насколько я понимаю, из радиоспектакля по «Недопёску», с примерно такими словами (как я уже говорил, найти потом не удалось, пишу, как запомнил):

*Я перчаточка мотоциклетная,
на руке я у мотоциклиста...
Эх ты, жизнь моя, беспросветная,
сколько грома в тебе,
сколько свиста!*

И ещё потом:

*... газануть, газануть, газануть бы,
и ещё газануть, газануть!*

Тут следует позднейшая вставка. Сравнительно недавно Игорь Иртенев разыскал человека, который знает все песни Юрия Коваля, в том числе и эту. В его варианте слова немного отличались от того, что я запомнил, но я же пишу воспоминания, так что пусть будет, как у меня в памяти. А возможно, были разные варианты — бывает же и такое.

И была песня про соседа в деревне, который поставил у себя на участке старый железнодорожный вагон, с восхитительными словами (не вагон с восхитительными словами, а песня):

*А то ведь каждый
сопрёт вагон,
проложит рельсы —
и за кордон.*

И ещё он спел про Казанский вокзал, когда из Москвы выселяли китайцев. Там были слова:

*Для принятия неотложных мер
в зал явился милиционер*

Я потом Юру спросил, был ли этот милиционер художником или просто милиционером. Он ухмыльнулся и уважительно сказал: «Вижу, читал, коллега». Тут нужно некоторое пояснение. Дело в том, что книжка с «Самой лёгкой лодкой» ещё в то время не вышла, и существовал только журнальный вариант «Плаванье на «Одуванчике», напечатанный в каком-то детском журнале типа «Мурзилки». Этот журнал мы выписывали для сына, и мне в одном номере на глаза попало такое, что заставило разыскать все предыдущие номера и с нетерпением ждать последующих. Собственно говоря, тогда я впервые и узнал про писателя Юрия Коваля. Так что Юрин уважительный тон имел некие основания.

А вторая встреча была гораздо больше про Тарковского, чем про Ковалю. В тот раз Татьяна Алексеевна угощала всех нас — а кроме меня там был Юрий Коваль и ещё кто-то, не могу сейчас вспомнить, кто именно — неким текстом, который ей передали как «самотёк» в журнал «Здоровье». Это была поэма про гонорею. Мы были далеко не первыми гостями, кого она этим потчевала (более того, я был в числе слушателей, когда приезжал в прошлый раз, но Татьяна Алексеевна конечно же этого не помнила), и листок, на котором поэма была напечатана в две колонки с двух сторон был уже изрядно обтрёпан. Поэма была довольно остроумна, сделана как медицинская статья, с главами «История вопроса», «Возбудитель болезни», «Пути заражения», «Течение болезни» и «Профилактика». Татьяна Алексеевна, потребовав нашего внимания, стала это читать вслух, начиная со вступления:

*Сядьте дети в круг скорее,
Речь пойдёт о гонорее,
И откуда взялся вдруг
Этот тягостный недуг.*

В этот момент Арсений Александрович, который, я подозреваю, слышал это бессмертное творение уже много раз, вдруг встрепенулся и сказал:

— Подожди, Таня. Там ведь пять глав, и нас здесь пятеро. Давай, каждый прочитает вслух по главе.

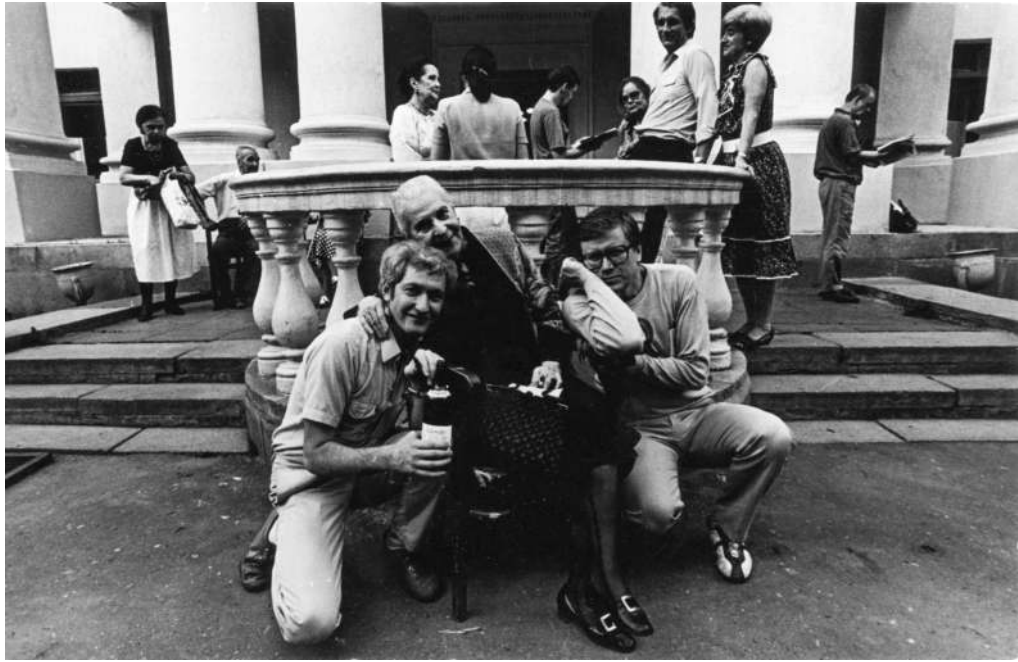
Ошарашенная Татьяна Алексеевна пыталась что-то возражать, но Арсений Александрович уже загорелся своей идеей, и остановить его было невозможно. И мы действительно читали по кругу эту весёлую ахинею. Я уже не помню, как именно распределили кто что читает — по жребью или Тарковский сам раздал. Помню, что он сам читал про возбудителя болезни — торжественно, размеренно:

*Открыт в девятнадцатом веке,
Название ему «гонококк»,
Открыт он был Нейссером неким,
Удачливо взявшим мазок...*

Ну и так далее. Юра, по-моему, читал про историю вопроса, Татьяна Алексеевна про пути заражения, четвёртый участник, которого я так и не могу вспомнить — про течение болезни, ну а мне досталась последняя глава про профилактику:

*...Вместо всяческих любовей
Лучше телом быть здоровей,
изучай родимый край
или марки собирай...*

Хотели мы при этом, как сумасшедшие. Больше всего веселился сам зачинщик этого безобразия. Между прочим, в результате я запомнил эту ахинею наизусть практически целиком. Интересующиеся могут, я думаю, найти полный текст этой поэмы в интернете.

*Первый день рождения Арсения Александровича, отмечавшийся без него. Слева направо:
Владимир Эфроимсон, Татьяна Алексеевна Озерская, Александр Кривомазов.
25 июня 1989 года, Дом ветеранов кино в Матвеевском*

Межиров и истории

Сидим с Арсением Александровичем в их переделкинском номере, играем — по-моему, в нарды, хотя могли быть и шахматы, точно не помню. Вдруг он, не поднимая от доски головы, говорит: «Сейчас придёт Межиров, будет что-нибудь рассказывать — верить ничему не надо. Он всё врёт».

Через несколько ходов: «Но, когда рассказывает, он сам в это верит».

Ещё через два-три хода: «Наверно так и надо поэту».

Действительно, вскоре пришёл Александр Петрович, и начались истории. Истории были совершенно фантастические — какие-то билиардные приключения, бандитское нападение и много чего ещё. В том числе была история его женитьбы. Когда Межиров ушёл, Арсений Александрович повернулся к Татьяне Алексеевне и как-то задумчиво сказал: «По-моему, это уже четвёртая версия женитьбы, которую мы от него слышали. Или пятая? Танюша, ты не помнишь?» А потом по ассоциации рассказал историю женитьбы его отца Александра Карловича на его матери Марии Даниловне Рачковской.

Как рассказал Арсений Александрович (не знаю, может он и придумал), Александр Карлович делал предложение его будущей матери много раз и неизменно получал отказ. В последний раз это произошло то ли на балу, то ли на

ещё каком-то столь же торжественном событии. Александр Карлович снова сделал предложение, получил очередной отказ и после этого заявил, что если его избранница не согласится, он ляжет на пол и будет кричать и стучать ногами. На что неприступная красавица спокойно сказала: «Давайте, ложитесь». И будущий отец Арсения Александровича действительно улёгся на пол и начал кричать и стучать ногами к изумлению окружающих. После чего избранница сказала: «Вставайте, я согласна».

Последний день рождения

Последний день рождения Арсения Александровича мы отмечали в 1988 году.

Было это на даче Тарковских в Голицыне и, кажется, не 25-го, а на день или два позже. К сожалению, дневников я не вёл, а сейчас вспомнить трудно. Вообще они на этой даче бывали довольно редко. За более чем десятилетнюю историю моего общения с ними я там бывал всего несколько раз. А в тот день нас там было совсем немного. Насколько я помню, там были Александр Тимофеевский, Юра и Люда Соминские, Саша Лаврин (по-моему, с Ирой), кажется, Ирма, ещё кто-то, боюсь сейчас напутать. И день был какой-то удивительно благодный — мягкое солнышко, цветы, зелень, птички — рай... И Арсений Александрович в непривычном каком-то умиротворённом состоянии.

Я тогда только вернулся из океанологической экспедиции и привёз ему из Сингапура в подарок маленькую фигурку Будды. Недавно Юра Соминский, у которого сейчас эта фигурка — Татьяна Алексеевна после смерти Арсения Александровича раздала такие вещицы друзьям на память — объяснил, что это на самом деле не Будда, а бог Хотэй, но я тогда этого не знал, да и Арсений Александрович, думаю, тоже. В Сингапуре на лотках таких поделок были груды, а этот меня чем-то привлёк — то ли особенно ласковой отрешённостью лица, то ли приятностью наощупь... Я вспомнил, что возвращаюсь как раз к дню рождения, прихватил его и не ошибся. Арсений Александрович поставил Будду на стол около себя и то и дело трогал его, как ребёнок новую игрушку. Было в этом что-то совсем детское.

Не знаю, только ли у меня осталось от всего этого дня странное светло-грустное ощущение... Тот день рождения был действительно очень светлым. И последним...